

Ирина Градова

Инкубатор **СМЕРТИ**

КАБИНЕТНЫЙ
ДЕТЕКТИВ

Кабинетный детектив

Ирина Градова

Инкубатор смерти

«ЭКСМО»

2026

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Градова И.

Инкубатор смерти / И. Градова — «Эксмо»,
2026 — (Кабинетный детектив)

ISBN 978-5-04-252855-2

Прокурор из Петербурга Евгений Пак, возвращаясь домой поздним вечером, становится свидетелем попытки похищения женщины на парковке. Его вмешательство спасает жертву, но запускает цепь событий, которые перевернут его жизнь. Примерно в то же время доктор Мономах случайно становится очевидцем ДТП, в котором серьезно пострадала другая женщина. Пострадавшую госпитализируют, однако вскоре она исчезает прямо из реанимации... Параллельно Евгений сталкивается с обвинениями в фальсификации улик по делу убийцы двух женщин, осуждённого несколько лет назад. Представитель Генеральной прокуратуры Софья Гай прибывает из Москвы проверить информацию, создавая дополнительное давление на прокурора...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-252855-2

© Градова И., 2026
© Эксмо, 2026

Содержание

Пролог	6
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Ирина Градова

Инкубатор смерти

© Градова И., 2026

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2026

* * *

Пролог

1986 год

Игнат окинул девчонок оценивающим взглядом и одобрительно хмыкнул: одна, цветущая толстушка с залитыми лаком темными волосами, оказалась не в его вкусе, зато вторая, невысокая блондинка славянского типа, с темными бровями и ресницами, – то что доктор прописал! «Цветочки» с любопытством озирались по сторонам в надежде увидеть тех, ради кого они, собственно, и оказались ночью в гостиничном номере, в то время как их родители понятия не имели, где шляются их чадушки.

– А когда придет Рубенчик? – робко поинтересовалась толстушка. – Вы сказали...

– Придет в свое время, – сально улыбаясь, перебил девушку Игнат. – Вы же понимаете, после концерта ребятам нужно расслабиться, поесть и немного отдохнуть!

– Ну да, понимаем, – подтвердила блондиночка. – Может, мы лучше в фойе подождем, пока они вернутся?

– Вы хоть представляете, какого труда стоило протащить вас в номер, минуя администраторов? Это вам не какая-то отстойная гостиница в Крыжополе, а пятизвездочный отель Северной столицы!

«Цветочкам» совсем не обязательно знать, что благочестивые и бдительные администраторы получили неплохую мзду за то, что закрыли глаза на «шалости» столичных артистов, желающих как следует оттянуться после выступления: пусть думают, что им оказана исключительная милость.

Игнат подошел к шкафу, извлек из его недр большую спортивную сумку с «хламом»: кассетами с записями группы, дешевыми вьетнамскими футболками с самодельными наклейками, присобаченными к ткани при помощи утюга, и «подарочными» полиэтиленовыми пакетами с изображениями артистов. При виде всего этого «богатства» девчонки завизжали от восторга, что и требовалось Игнату для отвлечения их внимания. Теперь оставалась только одна проблемка – спровадить толстушку, оставив блондинку. С другой стороны, может, и она сойдет: с двумя даже веселее, чем с одной...

– Может, шампанского? – предложил он. «Цветочки» не выглядели так, словно хоть раз в жизни пробовали игристое, однако почти одновременно храбро кивнули.

Разливая дешевое, купленное специально для таких целей в ларьке вино, Игнат незаметно добавил в бокалы девчонок несколько капель из крошечного флакончика, который всегда носил с собой: «зелье» действовало безотказно и никогда его не подводило. «Цветочки» понятия не имели, что номер принадлежит Игнату, а ребята из группы остановились на другом этаже и сейчас пируют в ресторане на Васильевском, куда их пригласил какой-то местный авторитет. Скорее всего, сабантуй продлится до утра, а в десять у них поезд в Краснодар. С улыбкой протянув гостям бокалы, Игнат присел на застеленную кровать: препарат подействует минут через десять, а пока можно расслабиться и насладиться атмосферой.

Евгений въехал на второй этаж парковки и поставил свое авто на обычное место. Как же все-таки здорово, что в его малоэтажном жилом комплексе есть парковочные места для всех жителей: он знал, как яростно людям приходится каждый раз бороться за такую привилегию в многоквартирных домах. Там везет жильцам, которые заселяются первыми, а остальным приходится довольствоваться тем, что осталось, или и вовсе отказываться от мечты заполучить собственное парковочное место. В их кондоминиуме такая проблема не стоит вовсе: в большинстве семей даже не одна машина, но, к счастью, места всем хватает.

Забрав с заднего сиденья папку с документами – после ужина он намеревался немного поработать, – Евгений двинулся к лифту, как вдруг до его ушей донеслись странные звуки. Сперва ему показалось, что скулит собака, и он принялся озираться в поисках несчастного животного. Несколько мгновений спустя до него дошло, что такие звуки мог издавать только человек. Евгений медленно двинулся в ту сторону, откуда, как ему показалось, они донеслись. Завернув за колонну, он увидел мужчину в низко надвинутой на лоб кепке, который пытался запихнуть в машину брыкающуюся женщину. Одной рукой он зажимал ей рот, а другой держал дверцу. Ни секунды не раздумывая, Евгений подскочил и плашмя ударил злодея папкой по голове. Козырек кепки «погасил» силу импульса, однако жертву свою неизвестный на пару секунд выпустил, и она проворно отползла к колонне. У Евгения не было времени проверять, пострадала ли женщина, потому что он нарвался на злодея не робкого десятка: тот ринулся на противника, очевидно разозлившись из-за неожиданного постороннего вмешательства. Пропустив первый удар, едва не сбивший его с ног, Евгений отразил второй и с разворота засадил нападавшего ногой в шею. Тот пошатнулся, но не упал. Его следующий удар пришелся аккуратно в середину толстой кожаной папки, а Евгений, воспользовавшись секундным замешательством оппонента, ударил его в таранную кость голеностопа. Злодей взвыл, а за мгновение до того Евгений услышал звук, какой порой издает сломанная сухая ветка: он определенно устроил неизвестному «осколочный перелом со смещением», как выразился бы его младший брат, хирург-травматолог.

– Сзади! – взвизгнула жертва, все еще сидевшая на бетонных плитах, – только благодаря ее предупреждению Евгений успел уклониться и бейсбольная бита лишь скользнула по его затылку: основная сила удара пришлась на плечо – и левая рука почти мгновенно онемела. Евгений понял, что вряд ли справится с двумя противниками, имея в распоряжении лишь одну рабочую руку, однако ему повезло. Человек, атаковавший его сзади, втолкнул приятеля в салон, сам нырнул на переднее сиденье их авто и ударил по газам.

С чувством невероятного облегчения Евгений опустил на колени, переводя дух. Жертва неудавшегося похищения на четвереньках подползла к нему и заглянула в лицо. Теперь он смог как следует ее рассмотреть. Женщина лет сорока обладала приятной наружностью, хотя сейчас ее черты искажал пережитый ужас: помада и тушь размазались, отчего она сильно смахивала на панду – с темно-синими кругами вокруг глаз. У рта Евгений заметил характерное раздражение и с трудом выдавил из себя:

– Он... использовал хлороформ?

Незнакомка судорожно кивнула.

– Как вам удалось отбиться? – удивился он, кривясь от боли: перелома нет, но парутройку дней он точно не сможет двигать рукой!

– Я... я мастер спорта... по... по академической гребле, – пробормотала женщина. – Не думала, что мне это когда-нибудь поможет!

– Молодец! – похвалил Евгений.

– Нет, это вы – молодец! – возразила она, трясая головой. – Если бы не вы...

– Есть мысли, кто эти ребята?

– Кажется, да...

– Ладно, пошли в консьержную! – выдохнул он, поднимаясь на ноги и ощущая при этом легкое головокружение: видимо, бита сделала свое дело и, хоть и не попала прямо по темечку, все же обеспечила ему небольшое сотрясение.

– Зачем?

– Посмотрим кино.

– Что?

Но Евгений уже ковылял к двери на лестницу. Узрев растерзанный вид знакомых жильцов, пожилой консьерж вскочил на ноги, отвлекшись от просмотра футбольного матча по маленькому переносному телевизору, и выпучил глаза.

– Евгений Мих... халыч, что... что стряслось?!

– А вы, типа, не в курсе? – рывкнул тот.

– Так... так откуда ж?!

– На нас напали на парковке! – все еще в ярости, отрезал Евгений.

– Напали?! – всполошился консьерж. – Как это?

– Так вы не видели?

– Нет...

– Вас, что, не было на месте?

– Да нет, я все время тут!

– А как же камеры?

– Э-э-э... – замялся консьерж.

– В чем дело, черт вас дерит?! На ваших глазах чуть не похитили женщину, а вы тут...

– Так камеры-то не работают! – перебил Евгения консьерж. – Вернее, работает только та, что на въезде, а другие... Я подал заявку на днях, но они сказали, что ремонтная бригада приедет только в понедельник! Евгений Михалыч, я, честное слово, не виноват, я...

Евгений буквально почувствовал, как его гнев улетучивается через поры в коже: мужик выглядел таким виноватым, что ругаться с ним дольше было бы антигуманно, да и его вины в случившемся, судя по всему, нет.

– Если б только камеры были исправны, – продолжал оправдываться консьерж, – я бы...

– Ладно, проехали! – поморщился Евгений. – Покажете видео с работающей камеры?

– Конечно! – с готовностью воскликнул консьерж, радуясь, что может быть хоть чем-то полезен. – Может, скорую? – с опозданием спохватился он.

– Мне не нужно, – отказалась женщина. – А вы как? – обратилась она к своему спасителю.

– Жить буду, – мотнул он головой. – Так как насчет видео?

* * *

Людмила чуть в обморок не упала при виде мужа.

– Господи, Женька, что случилось?! – закричала она, пока он безуспешно пытался снять плащ, орудуя лишь одной рукой.

– Да не голоси ты! – взмолился он. – Мальков распугаешь...

Но было поздно: все трое отпрысков семейства Паков высыпали в коридор и устали на изрядно потрепанного отца.

– Па? – спросил Анатолий. – Ты попал в аварию?

– Ага, – морщась от боли, ответил тот. – На парковке.

– На нашей парковке? – переспросила Юлия. Ее удивление было понятным: большинство жителей кондоминиума знакомы между собой, да и лихачей среди них вроде бы не водится.

– Дайте мне сначала умыться, – попросил Евгений. – Позже все расскажу.

Через двадцать минут все сидели в гостиной. Мила хлопотала вокруг раздетого по пояс мужа, пристраивая на его налившимся синюшно-бордовым цветом плече пакет со льдом.

– Какой кошмар! – приговаривала она при этом. – А мне-то казалось, что наш жилой комплекс – самое безопасное место в городе!

– В городе нет безопасных мест, – пробормотал Евгений. – Ты же адвокат и должна знать... Кроме того, на парковку с улицы может заехать любая тва... личность то есть, а проверяют только тех, кто пытается зайти в здания!

– Я оставляю жалобу на сайте комплекса! – продолжала бушевать Мила. – Это ж надо – камеры не работают: за что мы платим, спрашивается?! И консьерж этот... Черт, да даже если бы он что-то и увидел, что бы он сделал-то? Надо нанять кого-то помоложе, кто сумеет дать отпор...

– В обязанности консьержа не входит отбивать жильцов у хулиганов, – перебил супругу Евгений. – Он должен сигнализировать куда надо, и все, поэтому его физическая подготовка не имеет большого значения. Мужик не отлучался с рабочего места, а то, что камеры не работают, – не его вина: он сделал все, что от него требовалось, – подал заявку на ремонт. Так что, Мила, успокойся и сядь уже, ладно? Мы вызвали полицию, и теперь уже все это – их забота!

– Очень больно, пап? – сочувственно поинтересовалась Алина.

– Терпимо, – попытался улыбнуться Евгений, но вышло так себе.

– Может, тебе больничный взять? – предложила Юля. – Куда ты завтра с такой «клешней»?!

– Обязательно! – ответила за мужа Мила. – Мы сейчас поедem в больницу к Мишке...

– Никуда мы не поедem, – перебил ее Евгений. – Все со мной нормально.

– В каком месте нормально-то? Нужно хотя бы рентген сделать: вдруг у тебя перелом?..

– Я знаю, как болит, когда сломана кость, – снова прервал он жену. – Сейчас – не так, утихомирься!

Толик молча смотрел на отца. На лице его читалось беспокойство, но вслух он не произнес ни слова. До недавнего времени парню казалось, что родитель неуязвим, как Бэтмен или Человек-паук. Он никогда не болел: ни вирусные заболевания, ни те, что вызваны болезнетворными микробами, не оказывали на него ни малейшего воздействия. Дедушка говорил, что иммунитет его старшего сына сравним с таковым у морского ежа: даже после ядерных бомбардировок Хиросимы и Нагасаки эти животные не пострадали от радиации. После больницы Толик взглянул на отца под другим углом. В тот день, когда позвонил дядя Миша с сообщением о срочной госпитализации Евгения, мальчик вдруг понял, что отец смертен, и это открытие повергло его в шок. К счастью, ситуация оказалась не столь критической, как все поначалу подозревали, но диагноз Евгению поставили неприятный: с язвой желудка шутить не стоит, ведь все могло закончиться перитонитом и операцией, исход которой невозможно предсказать. Работа прокурора не предполагает непосредственной опасности – не то что служба оперативника или даже следователя, но сегодня Толик снова испытал похожее чувство при виде покалеченного отца. Тот способен за себя постоять, но в одиночку с несколькими злодеями справиться сложно, а значит, все могло завершиться гораздо менее благополучно!

– И больничный мне не нужен, – продолжал между тем перепалку с родней Евгений. – Я же не член сборной по волейболу, да и рука левая...

– Ты же левша! – возмутилась Мила.

– Я – амбидекстр¹, к твоему сведению, но все равно почерк у моей правой руки лучше, чем у левой, – парировал муж. – Моя работа – писать, и пострадавшее левое плечо этому ничуть не помешает!

Евгений действительно почти одинаково хорошо владел обеими руками, но эта способность не была врожденной: он развил ее, занимаясь боевыми искусствами, в особенности рёто-дзукай, японской разновидностью боя на мечях. Так как это искусство предполагает синхронное использование сразу двух мечей, длинного и короткого, бойцу необходима особая тренировка. Такое умение не раз пригождалось Евгению и в рукопашной схватке, ведь противник не ожидает, что силовой удар может быть нанесен с обеих сторон.

Родители могли спорить бесконечно, ведь оба работают в области права и у обоих язык подвешен на славу. Однако мать сдалась первой: она всегда предпочитала уступить мужу,

¹ Амбидекстр – человек, одинаково хорошо владеющий обеими руками.

чтобы не обострять ситуацию, особенно если ничего нельзя исправить или изменить. Он ценил такой ее подход, хоть ни разу и не признал этого открыто.

Со стороны могло показаться, что у Людмилы характер взрывной, в то время как Евгений спокоен, словно горное озеро, однако думать так было бы ошибкой. На самом деле под тихой водной гладью Евгения тлеет готовый извергнуться вулкан, а «искры», рассыпаемые Людмилой, легко превращались в прохладный дождь, способный загасить внезапно вырвавшееся наружу пламя. Являясь полными противоположностями по темпераменту, супруги удивительным образом уравнивали друг друга, благодаря чему их брак, у которого случались и взлеты, и падения, мог считаться счастливым.

Уже через сорок минут все семейство, уютно устроившись за длинным обеденным столом, поглощало ужин, обсуждая детские дела и, казалось, полностью позабыв об инциденте на парковке. Может, Евгений и не забыл бы о случившемся так быстро, если бы не поздний звонок от человека, чей голос он никак не ожидал услышать. Увидев высветившееся на экране смартфона имя, он поднялся из-за стола и, сказав, что ему нужно еще с часок поработать в кабинете, поднялся на второй этаж.

– Сколько лет, сколько зим! – произнес он: человек на другом конце линии терпеливо продолжал звонить, пока абонент не снял трубку.

– И не говори! – усмехнулся тот. – Звоню предупредить тебя, чтобы завтра это не стало неожиданностью.

– О чем предупредить? – насторожился Евгений.

– Ты помнишь дело Пеньковского?

– Который убил двух бывших одноклассниц? Он же уже пару лет сидит...

– Ага. Его мамаша вдруг развила бурную деятельность. Пеньковский строчил апелляции, но они оставались без ответа – до недавнего времени.

– Ты о чем?

– Следака по его делу взяли за бока УСБ-шники...

– За что?

– За взятки и подтасовку улик.

– О как! И ты мне все это рассказываешь?..

– Потому что следак признался, что в том деле он провернул ту же схему.

– Что?

– То самое.

– Спасибо, конечно, за информацию, но я что-то не пойму...

– Не поймешь, как это тебя касается?

– Читаешь мои мысли.

– Дело в том, что в свете случившегося тобой заинтересовалась Генеральная.

– Генеральная прокуратура интересуется... мной?

Вот это номер! Евгений ожидал чего угодно, но только не этого.

– Именно.

– Но почему?

– Я пока не знаю – буду выяснять, но тебе нужно подготовиться. Вернись к делу Пеньковского, проверь, все ли там в порядке: даже если нет, нужно хотя бы быть в курсе!

– Ты прав...

– Думаю, особое внимание нужно обратить на улики, представленные следствием, ведь начали со следака – значит, пытаются нарыть что-то на тебя через него. Под тебя копают, Евгений Михалыч, и я очень рекомендую тебе попытаться выяснить: кто и почему? Я, со своей стороны, сделаю то же самое и, если что, сообщу... Ну бывай, что ли?

– Спасибо еще раз.

– Всегда пожалуйста!

Повесив трубку, Евгений отошел от стола и встал напротив огромного аквариума, в котором плавали пестрые золотые рыбки. Людмила умудрилась установить это сооружение, пока он находился в больнице, и по его возвращении абсолютно голая стена, которая всегда так беспокоила его жену, оказалась почти полностью закрыта стеклянной, наполненной водой витриной, со всеми прибабасами, которыми обычно снабжают аквариумы. При виде его Евгений поначалу пришел в ужас: где ему найти время, чтобы регулярно чистить этого стеклянного монстра?! Но Мила успокоила его, сказав, что уже договорилась со специалистом, который раз в месяц станет приходить и выполнять эту нелегкую работу, а заодно проверять фильтры и менять песок и живые растения. В целом, идея Евгению понравилась – особенно если не придется самому тратить долгие часы на уход за рыбками. Но он знал, что Людмила беспокоилась не потому, что интерьер выглядел незавершенным: ей не нравилось, когда он часами стоял, уставившись в пустую стену, словно в окно в параллельный мир. На самом же деле ему было все равно, куда смотреть, когда он размышлял над стратегией и тактикой ведения дел, но, раз это нарушает ее душевное равновесие, пусть она будет спокойна!

Золотых рыб было ровно пятнадцать штук: Евгений каждый раз пересчитывал их, подходя к аквариуму. Здесь были обычные «золотушки», красно-оранжевые и довольно крупные, пятнистые «шубункины», напоминающие китайских карпов, которых за их яркий окрас особенно любили императоры, две «оранды» с малиновыми хохолками и веерообразными плавниками, которые красиво стелились по воде, черные и красные «телескопы» с выпученными глазами, а также парочка необычных и весьма дорогих «бабочек». С полдюжины сомиков копошились в песке – единственные рыбки, которые могут без вреда для себя соседствовать с золотыми. Венцом «коллекции» стала крупная «панда», черно-белая рыбка, действительно напоминающая китайского тростникового медведя.

Евгений любил животных, но считал, что заводить их следует лишь в том случае, если ты готов посвящать им большую часть своего времени. Если же хозяин с утра до вечера на работе и является домой лишь в сумерках, нельзя мучить бедных зверей и птиц, оставляя их в одиночестве целыми сутками! Вот почему Евгений, несмотря на многочисленные просьбы Толика завести собаку, неизменно отвечал отказом, а вовсе не потому, что беспокоился за сохранность мебели и обуви, как полагал сын. С рыбами дело обстояло иначе: им, в сущности, не требуется особого внимания, главное – вовремя кормить и менять воду. Вот почему он любил этих обитателей водной стихии: они позволяли ему наслаждаться своей красотой, почти ничего не требуя взамен.

С тех пор как Мила установила в его кабинете аквариум, Евгений кое-что почитал на «рыбную» тему и с удивлением обнаружил, что разных видов золотых рыбок не существует, а так называемые их породы – всего лишь результат мутаций внутри одного вида. Существует версия, что все генетические уродства карасей, к коим относятся и золотые рыбки, – наросты на голове, раздвоенные хвосты, отсутствие спинного плавника и так далее – закреплялись первоначально неумышленно, из религиозных соображений. В древности в Японии и Китае этих рыб разводили преимущественно буддисты, а они не могли убивать живых существ. Вот почему все «уродцы» от инбридинга не уничтожались, а селились в специальных «прудах милосердия». Со временем такие пруды стали неотъемлемой частью всех дворцов, от императорских до чиновничьих, а мутантов стали специально выращивать, скрещивая с себе подобными и получая удивительные результаты.

Интересно, что в природе мутации зачастую улучшают экстерьер представителей различных видов, в то время как в человеке обычно вызывают то, что считается уродством! А как же быть с тем, что внутри? Маньяки и садисты – порождение мутации, ошибка природы или все-таки продукт среды и воспитания? До сих пор ни психологи, ни даже психиатры не смогли дать однозначный ответ. Пресловутый Пеньковский относится как раз к категории маньяков-садистов, в чем Евгений убедился после первой же встречи с ним и с тех пор мнения не изменил.

С этим делом вправду возникли проблемы. Сначала оно вернулось на доследование, а потом его передали другому следователю по фамилии Михеев. В отличие от предыдущего, этот следак рьяно взялся за дело и быстро подчистил все «косяки». Пеньковский по первости вину признавал, но потом неожиданно «ушел в отказ» и начал утверждать, что на него оказывалось давление. Масла в огонь подливала и чрезвычайно активная мать обвиняемого: она ходила по телеканалам, оправдывая своего великовозрастного отпрыска, собирала в интернете деньги на адвокатов, повсюду таскала его положительные характеристики и рассылала десятки писем во всевозможные инстанции, включая Следственный комитет. Ничего из этого не сработало: ситуация представлялась настолько очевидной, что суд прошел в рекордные сроки, и, принимая во внимание особую жестокость, с которой подсудимый убил двух человек, Пеньковского приговорили к пятнадцати годам колонии строгого режима. Что, черт подери, могло в этом деле заинтересовать Генпрокуратуру?!

Взгляд Евгения снова сфокусировался на обитателях аквариума. Золотые рыбки сгрудились у его передней стенки, справедливо полагая, что человек, стоящий напротив, пришел их покормить. Нет, сегодня они не дождутся: рыбок нужно кормить раз в два дня, не чаще, так как у них отсутствует чувство насыщения. Переедание ведет к проблемам с пищеварением и, как следствие, к гибели. В дикой природе такие маленькие и яркие рыбки постоянно подвергаются опасностям: голоданию, природным катаклизмам и, конечно же, нападениям хищников. В домашних условиях они, по крайней мере, могут не беспокоиться за собственную жизнь... Хотя о чем это он: рыбы не умеют предвидеть неприятности и оценивать риски! Если владелец аккуратен и предусмотрителен, он организует для рыбок среду наибольшего благоприятствования и проследит за тем, чтобы никто не попытался их слопать.

Интересно, кто же нацелился на него самого... и почему?

* * *

Мономах предпочитал возвращаться за город, где он жил вот уже несколько лет, после часа пик, чтобы избежать пробок. По этой причине он порой намеренно задерживался в больнице дольше положенного, и ему совершенно не нужно было придумывать себе занятие, ведь работы всегда невпроворот.

Приближалась пора белых ночей, темнело поздно, поэтому, даже когда Мономах покинул больницу, все еще было достаточно светло. Движение в это время редкое: перед ним было всего несколько автомобилей. Когда он остановился на красный, впереди осталась всего одна серебристая иномарка, не успевшая проскочить через перекресток, пока мигал зеленый. Мономах видел, что за рулем дама, но он и так мог бы с точностью это утверждать – по поведению автомобилистки.

Женщину-водителя можно вычислить по манере вождения – либо слишком осторожной, либо, наоборот, чересчур эксцентричной, даже наглой. Осторожные автоледи всерьез полагают, что медленная и аккуратная езда на сто процентов гарантированно убережет их от дорожных происшествий. Это было бы правдой, если бы не необходимость принимать в расчет других водителей и неожиданности различной природы, которые могут привести к аварии, независимо от того, как сильно ты стараешься избежать неприятностей. Вторая категория дам за рулем считает, что им все должны просто потому, что они женщины, а значит им, как привилегированному полу, все дозволено. Есть, конечно, и нормальные дамы-водители, которые уважают других участников движения и хорошо знают свое дело, но представительницы двух названных категорий частенько злят мужчин с натянутыми нервами: проезжая мимо, те сердито сигналият, ругаются и даже создают рискованные ситуации, чтобы «наказать» нерадивых автомобилисток.

Мономах никогда не связывался с женщинами-водителями, как бы они себя ни вели, стараясь игнорировать и их откровенно хамское, и излишне осторожное поведение: реакцию и действия мужчин-водителей, если речь не идет о принятии алкоголя, можно предсказать, но с дамами этот номер не проходит!

Поэтому он пристроился в «хвост» впереди идущего транспортного средства, не рискуя обгонять даму, и приготовился к долгой дороге. Что ж, торопиться некуда, ведь дома его никто не ждет, если не считать Сархата, Жука и Капитана, которые и без него прекрасно проводят время.

В тот самый момент, когда Мономах погрузился в мечты о вкусном ужине, наверняка приготовленном его молодым домоправителем, он краем глаза уловил какое-то движение справа. Из темного переулка вынырнула фигура и кинулась наперерез движению. Едущая впереди иномарка резко затормозила, и он едва успел увернуться, молясь, чтобы во втором ряду не оказалось «гонщиков». Все это произошло в считанные мгновения и сложилось в цельную картинку лишь спустя минуты две. Автомобилистка широко распахнула дверцу машины, что было бы чрезвычайно опасно на более оживленной дороге, и вылезла наружу. Едва держась на высоченных каблуках, она процокала по асфальту вперед и заглянула за капот. Раздался громкий визг. Поняв, что произошло что-то нехорошее, Мономах тоже вышел.

Перед капотом серебристой иномарки лежала женщина. Примерно в десяти метрах от нее валялись маленький черный клатч и сумка-шоппер, из которой вывалились на проезжую часть несколько яблок.

Почему-то именно вид фруктов вернул Мономаха к реальности, заставив действовать. Опустившись на колени, он прощупал артерию на шее пострадавшей, с облегчением отметив наличие пусть слабого, но все-таки пульса. Автомобилистка вопила не переставая, но у Мономаха не было времени ее утихомиривать.

– У меня минивэн, – раздался голос над его ухом. – Давайте отвезу пострадавшую в больницу!

Обернувшись, Мономах увидел средних лет мужчину в кожаной куртке. Почему-то ему показалось, что он похож на военного. Откуда он появился: ехал позади или нагнал их позднее?

– Нет, – отрезал Мономах. – Ее нельзя трогать: если поврежден позвоночник...

– Времени нет! – перебил его незнакомец. – Пока будем ждать скорую...

– Я сказал, нельзя! Лучше вызовите помощь и попытайтесь успокоить орущую гражданку, а то я даже самого себя не слышу из-за ее воплей!

Вокруг уже собралась небольшая толпа из проходивших мимо по тротуару немногочисленных пешеходов и парочки автомобилистов. Кто-то из них, услышав слова Мономаха, направился к орущей девице.

– Она выскочила так неожиданно! – всхлипывая, кричала та. – Здесь же нет перехода, так почему... как она вообще...?! Я... я... я же ее не видела, я просто не могла-а-а-а!

Мономах отлично ее понимал: для любого водителя подобное происшествие – не только уголовное дело, но и пожизненные ночные кошмары, особенно в том случае, если жертва ДТП не выживет. Он знал людей, которые после таких случаев продавали машины и добровольно становились пассажирами, не желая брать на себя ответственность за безопасность других, даже если все заканчивалось более или менее благополучно. Глядя на распростертую на асфальте женщину, Мономах испытывал искреннее сочувствие не только к ней, но и к автомобилистке: та ехала не превышая скорости и соблюдая правила – и все равно оказалась виноватой!

Являясь заведующим отделения травматологии и ортопедии, Мономах сразу заметил у пострадавшей открытый перелом лодыжки: отломки костей торчали наружу, прорвав тонкие колготки, и под ее ступни натекло уже приличное количество крови. Сбросив куртку, он свернул ее в несколько раз и подложил под голень женщины. Так как она находилась без сознания,

обезболивание ей не требовалось, да и опасно использовать что бы то ни было, не зная, есть ли у потерпевшей аллергия на препараты. Сняв галстук, Мономах наложил его на икру жертвы ДТП и перетянул: первым делом требовалось остановить кровь. Об остальном пока речи не шло: подумать об этом можно будет, когда пострадавшей сделают рентген и МРТ головного мозга – судя по ее состоянию, проблема не только в переломах!

– Кто-нибудь вызвал скорую? – спросил он, обращаясь к собравшимся.

– Я вызвала, – ответила девушка в спортивном костюме: видимо, она совершала пробежку по тротуару и случайно стала свидетельницей происшествия.

– И я, – сказал немолодой мужчина. – Может, надо вызвать и полицию? – добавил он.

– Это необязательно, – ответил Мономах. – Из больницы вызовем.

– Вы доктор? – с уважением спросила «спортсменка».

Он подтвердил.

– Повезло женщине! – заметила какая-то дама из толпы.

Вдали раздался приближающийся вой сирены скорой помощи.

* * *

– С какого перепугу тобой интересуются люди из Генпрокуратуры?

Этим вопросом встретил Евгения его начальник, прокурор города Мерзлин. Евгений постарался придать своему лицу приличествующее случаю выражение удивления.

– Правда?

Мерзлин внимательно изучал его черты, пытаясь понять, действительно ли сообщение явилось для подчиненного новостью. Придя к выводу, что угадать у него не получится, прокурор города тяжело вздохнул и опустился в кресло.

– Что ты натворил? – спросил он уже гораздо более спокойным тоном. – Да сядь же, а то мне неудобно смотреть на тебя снизу вверх!

Евгений отнюдь не гигант, но Мерзлин едва доставал ему до подбородка, а уж сидя и вовсе казался карликом. Как большинство невысоких людей, он испытывал комплексы в отношении собственного роста, поэтому Евгений предпочел выполнить требование и опустился на стул напротив босса.

– Они уже здесь, – устало проводя рукой по круглому, почти лишенному морщин лицу, сообщил тот. – Мужик и баба.

– Вы с ними встречались?

– Да, но они отказались проинформировать меня о цели своего приезда, представляешь? Так что...

– Понятия не имею! – быстро ответил Евгений.

– Врешь!

– Вовсе нет, Илья Сергеевич: я на самом деле ума не приложу...

– Плохо!

Возглас Мерзлина больше походил на стон: он был не на шутку встревожен, и Евгений даже на секунду пожалел начальника, хоть они и недолюбливали друг друга.

– Как думаешь, – продолжил между тем прокурор города, – у них есть к чему придраться?

– У каждого из нас, знаете ли...

– Ты мне тут хвостом не крути! – рявкнул Мерзлин, подавшись вперед. Кресло при этом угрожающе накренилось, грозя выплеснуть сидящего на нем человека, словно рыбку из аквариума, прямо на стол. – Просто так из столицы люди не являются – у них наверняка есть серьезная причина!

– Как я уже сказал, – стараясь казаться невозмутимым, произнес Евгений, – любого можно «прищучить» – было бы желание! Думаю, со мной та же история. Не волнуйтесь, Илья Сергеевич, я со всем разберусь!

– Лучше бы так и случилось, – кивнул собеседник. – Ты же знаешь, что все взгляды во время этой проверки будут устремлены на тебя, да?

Евгений отлично понимал, о чем говорит босс: вот уже несколько лет он являлся визитной карточкой прокуратуры, когда речь шла об освещении ее работы в средствах массовой информации. Репортеры любили его за острый язык, презентабельную внешность и, самое главное, за готовность общаться с ними, не прибегая к клише типа «без комментариев» или «дождитесь официального пресс-релиза». Он без проблем соглашался участвовать в различных «правовых» шоу в качестве приглашенного гостя или консультанта, и его лицо хорошо знакомо большинству зрителей. Вот почему опасения начальника отнюдь не казались Евгению беспочвенными: если станет известно, что Генеральная прокуратура в чем-то подозревает любимца публики и прессы, поднимется дикий скандал – и именно Мерзлину придется отбивать атаки. Станет ли он защищать подчиненного, с которым находится в натянутых отношениях, или сдаст его с потрохами?

Выйдя от прокурора города, Евгений набрал Кайрата.

– Ты сейчас свободен? – не тратя времени на приветствия, поинтересовался он.

– Для вас – всегда! – с энтузиазмом отозвался парень.

Очевидно, он лгал: стажеры в прокуратуре завалены бумажной работой, ведь все стараются спихнуть на них как можно больше собственной ответственности под предлогом того, что им нужно практиковаться. Большинство не выдерживает и сбегает, не проработав и года, но Кайрат Мустафин держался стойко, и Евгений подозревал, что парень далеко пойдет, если не сдуется в ближайшее время.

– Что я должен делать? – спросил Кайрат.

– Забеги ко мне после обеда – обсудим, – туманно ответил Евгений и повесил трубку.

* * *

– Да, грустненько все это, – проговорил Иван Гурнов, доливая армянский коньяк в бокал Мономаха.

Друзья сидели в кабинете заведующего патологией: длинный и трудный день закончился – и они с полным правом наслаждались обществом друг друга и прекрасным напитком, поставляемым начальнику хирургом отделения ТОН Севаном Мейрояном, один из родственников которого владел коньячным заводом где-то под Ереваном.

– И не говори, – поддакнул Мономах, тяжело вздыхая. – Я люблю, когда они выживают!

– Что говорят нейрохирурги?

– Да ничего хорошего: пациентка в коме, активность мозга минимальная.

– То есть шансов...

– Практически нет.

– Полиция тебя уже навестила?

– Мужик из ГИБДД приходил, я рассказал все как было.

– Почему она выскочила на проезжую часть? – недоуменно развел руками Гурнов. – Она же вроде адекватная и не под парами?

– Насколько можно было судить по ее виду, да. Мужик из полиции сказал, что они пытаются отследить ее путь по камерам: вдруг ее кто-то преследовал, поэтому она и бежала, не разбирая дороги... Девушка, сбившая жертву, по сути, не виновата, ведь она правил не нарушала и ехала со средней скоростью.

– Точно, но ей все равно придется несладко, – согласно кивнул Иван. – А если тетка помрет, то все еще больше усложнится!

– Она приехала в больницу сразу за нами и попросила меня быть свидетелем на суде. Я согласился.

– Как я и сказал, – крикнул Иван, снова наполняя бокалы, – все это печально, но не забывай, что пострадавшая – не твоя пациентка, поэтому не стоит так уж убиваться, Вовка!

– Не моя, ты прав, – снова вздохнул Мономах, – но я пытался ей помочь...

– ...и сделал все от тебя зависящее! – закончил за него заведующий патологоанатомическим отделением. – Реанимобиль тоже приехал быстро, но дальше все зависело только от нее самой, от возможностей ее организма, понимаешь? И тут уж ни ты, ни кто-то другой ничего поделать не может!

– Завотделением анестезиологии и реанимации сказал, что после повторного обследования соберется врачебная комиссия: будут решать, отключать ее от аппаратов или еще подождать.

– А родичи у потерпевшей есть?

– Понятия не имею, – пожал плечами Мономах. – Но они все равно роли не сыграют: все зависит от решения консилиума.

– Их мнение будет иметь значение, когда встанет вопрос о трансплантации органов, – заметил Гурнов, разглядывая бокал в свете настольной лампы: напиток отливал золотом и казался густым, словно мед.

– Точно, – воскликнул Мономах, ударив себя ладонью по лбу, – об этом я как-то не подумал!

– А следовало, ведь такая ситуация – лакомая история для трансплантологов: если мозг в отключке, а все остальное работает, то можно спасти с десятков человек!

– В нашей больнице нет отделения трансплантологии.

– Я в курсе, но ты же знаешь, как быстро распространяются слухи в тесном сообществе профессионалов: бедняжка еще не успеет попасть в базу доноров органов, как налетят «коршуны»!

– Я бы не называл так трансплантологов, – поморщился Мономах, которого покорило слово, использованное приятелем. – Они не виноваты, что в нашей стране эта область медицины, несмотря на ее востребованность, находится в загоне!

– Правда твоя, – развел длинными, похожими на крылья цапли руками Иван. – Мне тут случайно попала в руки статистика: если в Штатах за прошлый год сделали более десяти тысяч пересадок печени, то в России, для сравнения, чуть более восьмисот. Я уже не говорю о трансплантации сердца: у нас в прошедшем году провели всего две подобные операции! А почему? Вовсе не из-за того, что наши специалисты хуже – хотя, конечно, практика много значит и врач становится профессиональнее с каждой следующей операцией: проблема в том, что в нашей стране не развито донорство органов.

– Верно, – кивнул Мономах. – Есть лишь две возможности: получить орган от родственника – как правило, это почка или печень – или дожидаться пациента, смерть мозга которого зафиксирует врачебная комиссия...

– И надеяться, что он, паче чаяния, окажется добровольным донором органов или что его родичи согласятся, чтобы формально умершего «разобрали» на запчасти, – закончил за него Гурнов. – Или не найдется никого, чтобы запретить изъятие органов.

– А тебе не кажется, что ты торопишься, Ваня? – недовольно скривился Мономах. – У меня впечатление, что мы делим шкуру неубитого медведя: пострадавшая еще жива!

– Вовка, мне жаль это говорить, правда, мы ведь с тобой оба знаем, что прогноз...

Патолог не закончил. Вместо этого он еще раз наполнил пузатые бокалы на четверть и повертел свой между большим и указательным пальцами.

Мономах отлично понимал, что имеет в виду его лучший друг: скорее всего, женщина, которой он пытался помочь, умрет в ближайшие несколько дней. Даже если удастся разыскать ее родственников, вряд ли они согласятся на донорство, если только сама потерпевшая не оставляла соответствующих указаний, что маловероятно. Но в отсутствие тех, кто станет возражать против трансплантации, врачи вправе сами решать, что делать с пациентом, у которого отсутствует мозговая активность. Выходит, жизни и здоровье нескольких человек зависят от того, есть ли у несчастной жертвы ДТП семья.

* * *

– Вы уверены, что он вам по зубам? – поинтересовался Осман, испытующе разглядывая собеседницу.

Помощник Генерального прокурора испытывал острое чувство зависти к этой тетке: ей нет и пятидесяти, но она выше его по званию, и многие прочат ее в наследницы его непосредственного начальника.

Черт, что за мода пошла назначать бабье на высокие должности?! Ежу понятно, что любой мужик на их месте справится лучше – ох уж это *равенство полов*... Или, может, Генеральный неровно дышит к Софье Гай? Да нет, быть не может, ведь она ни разу не красotka... Хотя, пожалуй, в классе ей не откажешь: одевается как модель – благо фигура позволяет, ведь она тощая, словно штатив для капельницы, ни задницы, ни груди толком нет...

Софья, в свою очередь, пыталась понять, за каким бесом ей навязали этого дядьку – чтоб присматривал за ней и тормозил любые ее действия, не иначе! Она бы с гораздо большим удовольствием скаталась в Питер без сопровождающих, сделала бы все поскорее и вернулась, пока никто не успел присесть на уши шефу и помешать ее далеко идущим планам, ведь ей стольким пришлось пожертвовать, чтобы оказаться там, где она сейчас. Ни одна женщина до нее не забиралась так высоко в Генеральной прокуратуре – что уж говорить о провинциальной девчонке, приехавшей на Белорусский вокзал из Могилева с единственным чемоданом!

– Боитесь? – фыркнула она в ответ на его вопрос, делая очередной глоток из чашки: кофе уже почти остыл, но Софья не ощущала ни вкуса, ни температуры напитка, поглощенная мыслями о предстоящем допросе и о том, какие плюшки сулит ей его успешное завершение. В том, что успех гарантирован, она ни секунды не сомневалась.

– Боюсь? – переспросил Осман. – Вовсе нет, просто... Что вам известно об этом Паке?

– Достаточно, чтобы понять, что наша поездка легкой не будет, – пожал плечами Софья. – Однако это не повод для опасений: у нас есть железобетонные улики против него, поэтому, как бы его ни поддерживали СМИ...

– Я слышал, что дело не только в них, – перебил ее напарник. – У Пака есть высокий покровитель не то в ФСБ, не то аж в...

– Глупости, – отмахнулась Софья. – Если бы это было так, нам бы даже приблизиться к нему не позволили! Думаю, он сам распускает подобные слухи, чтобы распугать недоброжелателей, а их у него, по моим сведениям, в избытке. У нас есть неопровержимые факты, – она постучала указательным пальцем по лежащей на столе кожаной папке, – и против них у Пака вряд ли найдутся аргументы.

Осман вовсе не был так в этом уверен: он много слышал об этом парне и понимал, что так называемые факты легко разложить на атомы и отправить в космос, если прокурор сам не посыплется. А в то, что такой человек, как Евгений Пак, это сделает, верилось еще меньше.

Сидя в столовой прокуратуры Санкт-Петербурга, представители Генеральной прокуратуры ловили на себе подозрительные взгляды окружающих: скорее всего, слухи о проверке деятельности одного из их коллег уже распространились, и, как бы местные ни относились к Паку, они все же считали его одним из своих, а эти двое – пришлые «варяги», которых стоит

сторониться. Интересно, удастся ли разговорить кого-то из них, чтобы получить дополнительный компромат на подозреваемого? Софья очень на это надеялась.

– Ну и где он, этот неуловимый Пак? – сердито пробормотала она. – Почему его нет на рабочем месте? Он что, сам решает, когда ему приходится на службу?

– Начальство в курсе, – пожал плечами Осман. – Мерзлин сказал, что у Пака интервью...

– Тоже мне, артист больших и малых театров, – раздраженно перебила напарника Софья. – Ничего, мы ему крылышки-то подрежем!

Осман вслух ничего не сказал, а про себя подумал: чего это она так старается – не иначе, ей что-то пообещали на самом верху? Надо бы разузнать.

Зазвонил телефон, и Гай, выслушав говорившего, дала отбой.

– Пошли, – скомандовала она. – Время стричь *барашка!*

* * *

Стоя на тротуаре напротив больницы, Мономах оглядывался в поисках такси, которое вызвал для него Гурнов: сам патолог дожидался свою невесту, адвоката Марину Бондаренко, которая должна была за ним заехать по дороге с работы.

Хорошо иметь кого-то, кто о тебе позаботится, – может, он стареет? Еще пять лет назад подобные мысли его не посещали, ведь Мономах не сомневался, что сам способен справиться с любыми обстоятельствами. Он и сейчас в это верил, но как же приятно, когда кто-то готов подставить плечо, предложить помощь или даже отругать за какой-то косяк! И не то чтобы рядом с ним нет любящих людей: помимо уже взрослого сына Артема, есть Сархат, его «домоправитель», к которому он давно относится как к родному, а еще Дениска, мальчишка-вундеркинд, над которым Мономах оформил опеку, чтобы тот не попал в детдом после гибели старшей сестры. Проблема в том, что в этом окружении он ощущает себя единственным взрослым, хотя и Артему, и Сархату уже за двадцать: все равно Мономах – самый старший в этой компании, а значит, вся ответственность, что бы ни происходило, лежит на нем. А как хочется, чтобы любимая женщина разделила ее с ним... Вот почему он завидовал Ивану Гурнову, который, несмотря на несколько неудачных браков, все же нашел Марину, – завидовал по-доброму, как друг, но сильно!

Удивляло не это, а то, что каждый раз, когда он задумывался о личной жизни, перед глазами тут же всплывал образ Аллы Сурковой. Они друзья, им интересно разговаривать о разных вещах, включая профессиональные темы, и, самое главное, ни о какой романтике между ними речь ни разу не шла. И все же Мономах постоянно ловил себя на том, что Суркова почти постоянно присутствует в его мыслях, даже в те моменты, когда он лежит в постели с любовницей и, по совместительству, начальницей Анной Нелидовой – вот ужас-то! Правда, в последнее время ему удавалось с успехом избегать интима из-за занятости. Это и в самом деле было так, поэтому Анна относилась к сложившейся ситуации с пониманием, но Мономах знал, что рано или поздно им все же придется объясниться, страшился неизбежного разговора и всячески пытался оттянуть этот момент. О том, чтобы попытаться перевести их с Сурковой общение на новые рельсы, он также задумываться не хотел: разве можно начинать новые отношения, не закончив старые? Да и Алла, скорее всего, не думает о нем как о мужчине, воспринимая исключительно как приятеля... И возможно, как врача.

Ну вот, даже сейчас, в ожидании такси, он снова подумал о ней! Правда, Алла сама не водит, но она могла бы приехать на такси и забрать его... Черт, что за странные идеи? Поздно-вато уже задумываться о новом браке, ведь полтинник ему маячит уже в недалеком будущем, а Суркова из тех, на ком женятся, – нечего и думать, что она согласится стать его любовницей! Она моложе его, она еще может найти подходящего мужчину и даже завести детей, но почему мысли об этом так неприятны? Где же это такси...

– Владимир Всеволодович, погодите!

Через больничный двор к нему спешил запыхавшийся человек, и Мономах инстинктивно сделал пару шагов ему навстречу. В этот самый момент пикинул его телефон, возвещая о том, что машина где-то рядом. Кто этот мужик? Он приблизился, тяжело дыша – и немудрено, ведь весу в нем центнера полтора... Помнится, когда они встретились с Сурковой, она тоже весила... Ну вот опять – почему он снова думает о ней?!

– Вы же доктор Князев, верно? – отдуваясь, спросил толстяк. Он был невысок, и длинный белый плащ, который на другом выглядел бы щеголевато, делал его похожим на небольшой сугроб, хотя снег сошел уже пару недель назад.

– Ну да, это я, – неохотно ответил Мономах, оглядываясь: вон она, машина, припаркована на противоположной стороне переулка. – Вы родственник пациента? Можно побыстрее: меня ждет такси...

– Нет, я не родственник, – перебил его незнакомец. – Меня зовут Александр Иванович Рокотов, и я следователь по делу Лавровой.

– Лавровой?

– Жертвы ДТП.

– А-а... погодите, вы сказали «следователь» – по ДТП возбудили дело?

– Да, и теперь это не дело о ДТП... Вернее, не только о ДТП.

– Что вы имеете в виду?

– За вами такси приехало? – вопросом на вопрос ответил Рокотов.

– Да.

– Отпустите его: я сам вас отвезу.

– Но я...

– Нам нужно поговорить, Владимир Всеволодович, и как можно скорее!

– Я живу за городом.

– Отпустите машину и возвращайтесь – я отвезу вас, куда скажете.

Подавив вздох, Мономах шагнул на проезжую часть. Через десять минут они ехали во внедорожнике следователя по направлению к шоссе. И почему маленькие мужчины так любят большие машины? Это как-то связано с подсознательным желанием компенсировать недостаток роста? Однако он вынужден был признать, что Рокотов – отличный водитель: тот ловко лавировал в плотном потоке автомобилей, держась на грани предельной скорости, но не превышая ее.

– Владимир Всеволодович, можете рассказать, как вы стали свидетелем ДТП? – попросил следователь, не отрывая взгляда от зеркала заднего вида.

– Но я же уже все рассказал парню из...

– ...ГИБДД. Я читал ваши показания, но все равно прошу сделать это еще раз, хорошо? Постарайтесь припомнить малейшие детали: они могут оказаться гораздо более важными, чем вам кажется.

Пожав плечами, Мономах вкратце изложил свою версию событий.

– Почему возбудили уголовное дело? – задал он вопрос, закончив свой рассказ. – Разве это не простой наезд?

– Боюсь, что нет, – ответил Рокотов. – Жертва выскочила на проезжую часть перед едущими автомобилями, на красный свет. Она не была пьяна, не находилась под воздействием наркотиков, а все, кто ее знал, характеризуют потерпевшую как уравновешенную и спокойную особу. Так почему же она так поступила?

– Может, торопилась перейти на другую сторону в неположенном месте? – предположил Мономах. – Мне, как травматологу, отлично известны подобные случаи, ведь зачастую именно после них люди становятся моими пациентами!

– Не-а, – покачал головой Рокотов. – Она бежала еще до того, как оказалась на дороге: это зафиксировали камеры наружного наблюдения, мимо которых она пронеслась.

Мономах впервые взглянул на своего водителя с интересом: а он не так прост, этот Рокотов! В девяноста процентах из ста случившееся с Лавровой сочли бы обычным дорожным происшествием: выбежала и выбежала, сбили и сбили. Однако этот мужик заморочился выяснением причины странного поступка незнакомой ему женщины, и это заслуживало уважения.

– Я проследил ее путь до конечной точки, – продолжал между тем следователь. – Она пробежала по двум переулкам, прежде чем выскочить на проезжую часть, потеряв при этом пластиковый пакет с покупками. Разве это не означает, что ее что-то сильно напугало?

– Или кто-то, – едва слышно проговорил Мономах.

– Что?

– Нет, ничего – продолжайте, пожалуйста.

– Я говорю: какая женщина рванет со спринтерской скоростью с полными сумками в руках, если хочет перейти дорогу, находящуюся в паре кварталов? Это уже не говоря о том, что ее дом находится в противоположной стороне!

– В самом деле? – встрепнулся Мономах. – Так она уже подходила к дому?

– Именно, поэтому у нее не было никакой необходимости бежать туда, где она в результате и оказалась! Лаврова возвращалась с работы. Она вышла из метро, зашла в пару продуктовых магазинов и... попала под машину там, где ей абсолютно нечего было делать!

– А на камерах, случайно, не видно...

– Кто ее напугал? К сожалению, нет. Вот почему так важны показания тех, кто присутствовал при несчастном случае.

– То есть вы уверены, что пострадала она случайно?

– Да: автомобилистка знать не знает жертву и находится в полной прострации.

– Еще бы, ведь ей грозит тюрьма, если Лаврова умрет... Или нет, если удастся доказать, что ее и вправду кто-то преследовал.

– Верно, – кивнул Рокотов. – Если выяснится, что все не случайно, виновница ДТП выйдет сухой из воды, ведь она не могла предвидеть такое развитие событий. Я просмотрел запись с видеорегистратора гражданки Акименко – ну это та, что сбила потерпевшую, – но на ней ничего особенного не заметил. Может, вам есть что сказать?

Мономах задумался.

– Да нет, не то чтобы... – ответил он после паузы, во время которой пытался припомнить детали случившегося. – Хотя, пожалуй, одна странность все же имела место!

– Слушаю вас внимательно!

– Когда я осматривал пострадавшую, какой-то мужчина активно выражал желание отвезти ее в больницу, объясняя это тем, что машину реанимации придется долго ждать.

– Что за мужчина, описать сможете?

– Честно говоря, лица его я не разглядел, так как был занят пациенткой, – признался Мономах. – Только, знаете, меня покорила его настойчивость...

– И что вы ему сказали?

– Сказал, что пострадавшую нельзя передвигать, так как у нее могут оказаться внутренние повреждения или серьезная травма позвоночника.

– А куда этот доброхот делся потом?

– Куда? Э-э... понятия не имею! Кажется, он уже уехал ко времени прибытия реанимобиля...

– Ясно. Я еще разок просмотрю записи с видеорегистраторов и попытаюсь найти этого человека.

– Думаете, это важно? Он точно не имел отношения ни к наезду, ни к преследованию пострадавшей: мужик ехал за мной в фургоне...

– В фургоне?

– Ну да – он так сказал, а сам я его автомобиля не видел.

– Уже что-то!

Выглянув в окно, Мономах увидел, что они проехали примерно половину пути. За окном сгустились сумерки, но они уже не такие плотные, как осенью или ранней весной: приближается время, которое с нетерпением ожидают все петербуржцы и гости города, – пора белых ночей... Бедная Лаврова, скорее всего, до них не доживет.

* * *

«Вживую он выглядит даже эффектнее, чем на экране, хотя в студии накладывают грим и используют светоотражатели, отчего лицо кажется более гладким, а черты – более резкими», – думала Софья, с любопытством разглядывая сидящего перед ней мужчину в безупречном темно-синем костюме. Белоснежную рубашку украшал синий галстук без рисунка – прям Мистер Монохром... Густые темные волосы слегка выются и зачесаны назад, открывая широкий лоб. Скулы, скорее высокие, нежели широкие, как у большинства монголоидов, и острые, словно выпиленные умелым резчиком по дереву. Челюсть квадратная, рот небольшой, но чувственный, с четкой линией губ... Но самой выдающейся и удивительной особенностью этого необычного лица были, конечно же, глаза – раскосые, но довольно большие, они имели цвет настолько светло-карий, что казались желто-оранжевыми при искусственном освещении – как у тигра или кота. Интересно, с чем же тебя едят, Евгений Пак? Софья считала себя акулой, но сейчас перед ней находился явно не какой-то карась, а рыба покрупнее... Или поопаснее?

– Вам есть что сказать? – задала она вопрос, продолжая прерванный разговор, во время которого изложила собеседнику претензии Генеральной прокуратуры в отношении его.

– По поводу? – спросил он, сохраняя на лице выражение безмятежности.

Почему он так спокоен – невиновен или уверен в собственной безнаказанности ввиду высокого покровительства? В сущности, Софье плевать на степень его вины: начальство сказало «прижать» Пака – и она сделает это, даже если окажется, что он чист, словно новорожденный младенец. Тем не менее ее слегка беспокоило то, о чем упомянул Осман. Похоже, он прав: это дельце легким не будет!

– Против вас выдвинуто обвинение, – напомнила Софья.

– Официально?

Хороший вопрос. Ответ – нет, но она не собиралась раскрывать карты раньше времени. Ее возможный успех строился на том, что прокурор сам посыплется под давлением неоспоримых, по возможности, доказательств. Но кажется, Паку ответ не требовался, потому что он продолжил почти без паузы:

– Насколько я понимаю, на данный момент у меня статус свидетеля? Обвинение предъявлено следователю Михееву, который, в свою очередь, указал на меня. Что у вас есть, кроме его слов? Чтобы изменить свидетельский статус на статус обвиняемого, этого недостаточно!

– Есть показания Пеньковского...

– Значит, вы чувствуете себя во всеоружии, имея на руках лишь слова осужденного убийцы и коррумпированного следователя, который занимался подтасовкой улик? Я спросил: что у вас есть на меня? Может, письменное требование добыть доказательства преступным путем или аудиозапись, где я предлагаю Михееву подбросить подозреваемому орудие убийства с кровью его жертв? Нет? Тогда я не считаю, что должен с вами разговаривать!

Пак уже начал подниматься со стула, и Софья поняла, что утрачивает инициативу. Она испытывала не столько злость, сколько удивление оттого, что зам прокурора Санкт-Петербурга ведет себя так взвешенно и невозмутимо. Если уж совсем начистоту, он демонстрировал поведение человека, который ни в чем не виноват, и это обескураживало.

– Погодите! – воскликнула Софья, с неудовольствием слыша в собственном голосе истерические нотки. – Мы не закончили!

– Неужели?

Пак опустил на сиденье, его холёное лицо при этом не выражало ничего, кроме скуки.

– Вы же не станете отрицать, что дважды отправляли дело Пеньковского на следствие? – уточнила она, глядя в свои записи.

– Зачем бы мне отрицать очевидное? – пожал плечами Пак.

– То есть вам не хватало доказательной базы?

– Разве не за этим дела обычно возвращаются следователю?

– Но с Михеевым у вас проблем не возникло?

– Верно. После того как первый следователь не сумел представить хоть сколько-нибудь вменяемых доказательств, его место занял Михеев, которому удалось добыть необходимые улики.

– И вас не интересовало, каким способом он это сделал?

– Разве прокурору пристало расследовать деятельность следователя? Я слышал, есть какое-то э-э... Управление собственной безопасности, кажется?

Да он откровенно издевается, потешается над ней!

– Я правильно понимаю, что ваше обвинение строилось на представленном суду предполагаемом оружии убийства?

– Нет, вы неправильно понимаете.

– Поясните!

– Орудие убийства – отец доказательств, так же как чистосердечное признание – их мать, однако я плохо делал бы свою работу, если бы имел на руках лишь их, предъявляя обвинение. Если вы потрудитесь изучить дело более детально, то заметите, что там есть показания свидетелей. Следы крови, хоть и замывые, были обнаружены на одежде Пеньковского. У подозреваемого отсутствовало алиби на момент преступления, и, наконец, он сам признал вину!

– Но сейчас Пеньковский отрицает свои показания и даже признание в суде, утверждая, что на него оказывалось сильное давление. По словам его адвоката, ему и даже его матери угрожали...

– Кто угрожал? – перебил Софью Пак.

– Что, простите?

– Кто угрожал Пеньковскому и его родственникам – я?

– Михеев.

– Ну и занимайтесь следователем – почему под подозрением оказался я?

– Михеев заявил, что именно с вашей подачи ему пришлось прибегнуть к запрещённому приему!

– С моей... подачи?

– Он говорит, что вы буквально потребовали найти неопровержимые улики, а не копаться в десятках косвенных.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.